

(Не) Зачем идти в школу? Дети, родители, учителя и нерешенные школьные вопросы

Автор:

[Дима Зицер](#)

(Не) Зачем идти в школу? Дети, родители, учителя и нерешенные школьные вопросы

Дима Зицер

#Секреты умных родителей

Нужно ли ребенку ходить в школу и зачем? Какой должна быть школа, чтобы дети в ней учились, а не мучились? Какие типичные ошибки совершают учителя и родители и есть ли способы их избежать? Что такое «раннее развитие» и нужно ли оно? Как получать удовольствие от воспитания и обучения ребенка?

На эти и другие вопросы об образовании – традиционном и не очень – отвечает Дима Зицер – педагог, популярный писатель и блогер.

Согласитесь ли вы с мнением автора или захотите поспорить с ним, одно можно сказать наверняка: в поисках ответов на эти вопросы вы точно узнаете много нового о себе и своем ребенке.

Издание 2-е, дополненное.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Дима Зицер

(НЕ) Зачем идти в школу? Дети, родители, учителя и нерешенные школьные вопросы

© Зицер Д., 2021

© Белохвостик Н., 2021

© Бодиновский М., иллюстрации, обложка, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Предисловие

В силу разных причин, речь о которых пойдет в этой книге, мы привыкли, как автомобиль на очень-очень высокой скорости, нестись по жизни вперед, временами проскакивая повороты. Нам довольно часто кажется, что мы либо уже имеем в кармане все ответы, либо просто никак не можем себе позволить остановиться и задуматься. И наверное, одна из ярчайших иллюстраций этого удивительного явления (во всяком случае, для меня) – тот самый вопрос похода в школу. Мне, думаю, как и вам, приходилось сталкиваться с двумя крайностями. Либо, если возникает вопрос «Зачем идти в школу?», ответ предлагается в форме «Разве можно задавать такие вопросы?», или «Ты что, дурак?», или «Это же абсолютно понятно», или «Это знает всякий». (Все эти варианты означают, как мы понимаем, отсутствие ответа, а заодно и отказ на эту тему поразмышлять.)

Другой вариант – практически прямо противоположный: «Нечего и говорить, школа – это неизбежное зло». Забегая вперед, отмечу: в этой формулировке оба утверждения неверны. Это не неизбежное и, конечно же, не зло. Другое дело, что действительно так получилось, что последние много-много лет, если не сказать сотни лет, мы по разным причинам не останавливались и не задумывались, зачем идти в школу. Чего мы на самом деле хотим? Какой у нас заказ? Понятно, что ответить на эти вопросы бывает довольно сложно, ведь у «школьной эпопеи» немало и авторов, и персонажей.

Но знаете, мне кажется, что это одно из интереснейших занятий – поиск ответа на вопрос «Зачем идти в школу?». Ведь, когда мы задумываемся о самом,

казалось бы, очевидном, тогда и рождаются самые интересные открытия. Мы открываем в самих себе удивительные, неведомые возможности, замечаем новые стороны в уже наскучивших нам явлениях, заново знакомимся с друзьями и близкими. Именно поэтому я и предлагаю провести вечерок или хотя бы несколько часов, занимаясь таким вот человеческим делом – поиском ответа на вопрос «Что я делаю и зачем я это делаю?».

Нет-нет, если вы думаете, что речь идет о психотерапии, можете немедленно успокоиться. Никакого отношения к психотерапии это не имеет. Ведь, по сути, мы будем говорить о почти бытовых вопросах, о взаимодействии между людьми, о том, что происходит с нашими самыми близкими. О том, чего мы хотим и во что это превращается на деле. О том, как устроены наши предпочтения. О том, к чему мы хотим приучить наших детей и чему они учатся в результате нашей деятельности. В общем, обо всем, о чем мы так любим поболтать в социальных сетях.

У каждого родителя наступает тот самый момент, когда со всей неизбежностью приближается 1 сентября и наш ребенок идет в 1-й класс, или должен идти в 1-й класс, или мы отправляем его в 1-й класс. (Про важность глаголов мы тоже поговорим в этой книге.) И мы неминуемо задаем себе те самые вопросы: «Как выбрать школу? Действительно ли это такая суровая необходимость?»

Зачем сегодня нужна школа? Зачем она нужна нам? А нашим детям? А учителям? Как, с одной стороны, сделать так, чтобы наш ребенок был счастливым, сильным, уверенным в себе человеком, а с другой – чтобы и мы выполнили те самые родительские функции, о которых нам твердят отовсюду. Как пережить момент перелома, перехода, переступания из так называемых дошкольников в так называемые школьники? Как со всем этим разобраться, наконец?!

* * *

Эти темы меня сильно занимают. Именно поэтому я так много говорю о них в публичном пространстве – и устно, и письменно. Честно сказать, я и думаю об этом практически постоянно. Но думать в одиночку довольно трудно – просто потому, что, когда мы сомневаемся, нам нужен другой человек, который будет сомневаться вместе с нами. И это должен быть тот, кому ты веришь, с кем интересно разговаривать, кто способен задать неожиданный вопрос, не

удовлетворяясь твоим ответом, и тем самым дать тебе возможность идти к новым вопросам и поискам новых ответов.

Для меня таким человеком стала Надежда Белохвостик. Мама, которая очень старается понять детей и по возможности облегчить им жизнь. Журналист, неплохо разбирающийся в образовании и живо им интересующийся. А я старался искренне и честно отвечать на все ее вопросы. Поэтому эта книга будет скорее похожа на разговор двух приятелей или родителей, а возможно, ребенка и родителя, а иногда, пожалуй, на разговор учителя и родителя. Параллельно нашим беседам вы и сами сможете формулировать вопросы и искать собственные ответы. Думаю, многое может вызвать удивление, возможно, неприятие и даже раздражение, во всяком случае поначалу. Это ничего, будем спорить. И очень надеюсь, в этой книге будет много такого, с чем вы сразу не согласитесь. Ведь именно когда мы не соглашаемся, и начинается настоящий поиск.

Так что счастливого нам пути!

Дима ЗИЦЕР

О любви и честности

Искренне завидую читателям этой книги и жалею, что моя встреча с Димой Зицером (и многочасовые разговоры, которые вылились в эту книгу) не состоялась 10 лет назад. Нет, лучше 15, а еще лучше 20 лет назад, когда мой сын был совсем крохой. Скольких ошибок мне удалось бы избежать, сколько сомнений даже не родилось бы, сколько конфликтов с собственным ребенком не случилось бы. И главное, мы, уверена, были бы счастливее.

Дима учит самому важному – любви, которая проявляется в уважении. Уважении к личности, какого бы роста и возраста она ни была. Но как же? Мы ведь очень любим своего ребенка! Да, конечно, любим. Но зачастую наша любовь оказывается какой-то раненой, извиняющейся. Особенно когда с замиранием сердца выслушиваем жалобы учительницы, или одергиваем сына или дочку после неодобрительного слова прохожего, или расстраиваемся, когда они приносят из школы не ожидаемые пятерки, а хиленькие троячки. Мы сами выросли на этих «взрослых нужно слушаться», «старших не перебивают». А теперь готовы то же самое внушать и своим детям, хотя лет в 15 клялись, что никогда не будем поступать со своими детьми так, как поступали с нами.

А сколько в своем детстве мы пролили слез, испытали унижений и разочарований в школе! И отчего же с таким пафосом и нарочитой радостью собираем собственного ребенка «первый раз в первый класс»? Мы прячем за этим собственные страхи? Возможно. Собственные тревоги? Наверняка. Собственную неуверенность? Определенно.

Прочтите эту книгу. В ней много о честности. Честности по отношению к детям. Честности по отношению к себе. Дима говорит о естественных вещах. О том, что, если мы любим, значит, принимаем, оберегаем, уважаем близкого без всяких условий и требований. Но именно эта естественность оказывается такой труднодостижимой. Ведь, чтобы она пришла, нам, взрослым, нужно признаться в первую очередь самим себе в том, что дети нам ничего не должны (даже отличных отметок), что они вправе выбирать собственный путь и не прислушиваться к нашим советам. Честность – она такая. Открытая. Прямая. Порой бескомпромиссная. Но если выбрать этот путь осознанно, идти будет легче и быстрее.

Надежда БЕЛОХВОСТИК

Глава 1. Детство – успеть до 7 лет

Ребенок должен пойти в школу? – Кому должен?

– «Первый раз в первый класс» – веселенькая строчка, но на самом деле она пугает многих. Прежде всего – родителей будущего первоклассника. Слишком много переживаний, ожиданий, страхов.

Большинство пап и мам так ответственно относятся к этому шагу, что задумываются о нем чуть ли не в роддоме. Случается, даже квартиры выбирают в зависимости от того, есть ли рядом гимназия или хорошая школа.

И вот ребенку 7 лет, он должен пойти в школу. А что с ним должно произойти до этого, чтобы он был готов к новой для себя жизни?

– Сама постановка вопроса дикая, даже если его слышишь от самых прекрасных людей. Смотри, за пару минут ты успела сказать две вещи.

Первая – что же должно произойти с человеком, чтобы он потом пошел в школу? В этот момент у нас возникает представление, очень распространенное в мире, что школа – это вершина детской карьеры. В общем, нет никакого детства, а если и есть, то только ради того, чтобы в один прекрасный миг оказаться в школе. Если добавить немного философии, мне кажется, что мы довольно быстро придем к тому, что нам в принципе предлагают подготовку к жизни вместо самой жизни.

Сначала «Мы готовимся к детскому саду»... (О, это материнское «мы»!), «Мы уже готовы к тому, чтобы пойти в детский сад». Дальше «Мы готовимся идти в школу» – это такая длинная-длинная подготовка к этой самой школе. Но на этом ничего не заканчивается, хотя, возможно, по мнению взрослых, заканчивается детство. Но дальше мы готовимся к институту, потом готовимся к работе, и так мы катимся-катимся, пока не начинаем готовиться... к смерти.

Возникает вопрос: «А когда жить?» Подготовка к жизни вместо жизни – это совершенно удивительная история подмены. Я представляю ее как философскую точку зрения, но она абсолютно практическая. Потому что с довольно раннего возраста, с совсем раннего возраста, начинается эта погоня за собственным хвостом. Мы-то понимаем, что поймать его совершенно невозможно. Этот способ жить закладывается именно в тот момент и

закладывается очень и очень прочно.

А вторая вещь, которую ты сказала: ребенок же должен пойти в школу... И тут у меня возникает вопрос, очень важный для меня и для детей, о которых мы говорим: кому он должен пойти в школу? Если мы ответим на этот вопрос, то дальше все сложится, все квадратики встанут на место, все станет понятно. Проблема в том, что ответить на этот вопрос довольно трудно. Если мы предложим любой аудитории дать на него ответ, все возмущенно заахают, закатят глаза и скажут что-то вроде: «Ну как кому? Как вообще можно так ставить вопрос!» Но если мы не отстанем от аудитории и от самих себя и продолжим на эту тему думать, анализировать, то поймем, что ответ не очевиден.

Например, самый популярный ответ: «Ребенок должен пойти в школу самому себе». Во-первых, тут есть проблемка дискриминационного характера: не нам решать, что каждый человек должен самому себе. А во-вторых, не очень понятно, почему он себе это должен. Он и так исследует мир, он и так любопытен, он, даже если взять базисные вещи, может сам научиться читать-считать. Это так понятно, особенно сегодня, когда по всему миру с огромной скоростью развивается домашнее образование, создаются учебные группы и тому подобное.

Ребенок должен пойти в школу... Кому должен? Маме с папой? Возможно, ведь у них так много дел, им нужно куда-то «сдать» ребенка, как багаж в камеру хранения, чтобы можно было заняться чем-то еще. Но тогда это правда совсем другого типа. Тогда мы «сдаем» его в школу, потому что нам трудно жить, если ребенок телепается у нас под ногами. При этом, если родители серьезно задумаются над тем, как ребенку помочь занять свое время, они могут прийти к самым неожиданным решениям.

Третий ответ: ребенок должен государству. Это самый удивительный вариант. Еще круче – обществу. Потому что это история такого структурированного и запрограммированного подавления большинством меньшинства, что волосы встают дыбом. Речь ведь идет не о том, что общество или государство когда-то село и сформулировало этот самый принцип.

Хочу напомнить читателям, что государство – это не отдельная машина, хотя мы часто его так воспринимаем, что странно. Государство – это инструмент нашего управления миром, действительностью, а не наоборот. Возможно, заставляя нас

думать иначе, государство получает именно тот тип граждан, в котором оно заинтересовано. Это естественно для любого государства, у которого есть собственные интересы, часто не зависящие от наших.

Значит, у нас все-таки нет выхода. Удивительным образом нам надо стараться делать так, чтобы наши интересы были соблюдены. Когда я говорю «наши», я употребляю это слово и в широком, и в узком смысле. «Наши» – как интересы семьи, например. «Наши» – как интересы каждого человека в отдельности. «Наши» – может сказать тот самый ребенок, который «должен» куда-то пойти. Только он об этом не знает. Это, в принципе, о постановке вопроса, кто кому что должен...

– Ну хорошо. А есть ли какая-то идеальная формула, по которой ребенок будет с рождения гармонично развиваться, познавать мир и к 7 годам скажет: «Я хочу в школу», – и пойдет в нее с удовольствием?

– Человек не должен говорить: «Я хочу в школу», вот в чем штука. В человеке и так заложено стремление к развитию. В нас заложено любопытство, стремление к расширению границ – «Я всегда хочу большего». Когда мы говорим о школе, ребенок ведь не знает, о чем идет речь. Он не знает на самом деле, каким будет его следующий шаг. Так же, как мы с тобой, как любой человек. Да, он идет вперед. Если мы делаем так, что в 7 лет к 1 сентября он произносит: «Я хочу в школу», это значит, мы его уже заманипулировали. Хотеть в школу неестественно.

Может ли ему в школе оказаться хорошо? Да, здесь нет противоречия. Может ли ребенок понимать, что впереди маячит интересное место, в котором он сможет сделать следующий шаг, дотянуться до чего-то, до чего он не мог дотянуться до сих пор? Да. Поэтому и школу нужно выбирать, об этом мы будем говорить в следующей главе.

Вопрос – чего мы хотим. И тут мне придется разделить очень жесткой границей две возможности. Первая – мы хотим, чтобы ребенок был достойным членом общества при всей проблемности этого термина. То есть чтобы он был удобным: где поставили, там стоит, что спросили, то и ответил. Если мы хотим такого, тогда – это не ко мне. Я, конечно, знаю, как этого достичь, но учить этому не собираюсь. Если же мы хотим, чтобы человек сохранил любопытство, умел

выбирать, взаимодействовал с действительностью в разных формах, приобретал различные навыки и шел вперед, то должны заложить эту модель с рождения.

Мы все рождаемся и технарями, и гуманитариями

– В человеческой природе заложен целый ряд качеств и способностей, одна из которых в том, что мы непрерывно учимся и не останавливаемся ни на мгновение. Что-то относится к области инстинктов, как, например, первый вдох. В нашей природе заложено, к примеру, копирование как основа учения, во всяком случае на первом этапе. Мы смотрим, как ведут себя мама с папой, и довольно быстро начинаем социализироваться. Обычно этот научный термин употребляют, когда подразумевают, что ребенок должен вариться в котле из 40 детей и в это время учиться ругаться матом, кидаться какашками и так далее. Это неверная постановка вопроса.

Социализация, то есть приучение к обществу, начинается с первой секунды нашей жизни. И сразу происходят довольно простые вещи. Если мама на меня кричит, я, безусловно, приобрету невроз и в какой-то момент начну сам кричать в ответ. Если у нас дома принято носить штаны, я начинаю одеваться. Я в какой-то момент сажусь со всеми за стол, потому что в моей семье так принято. Я начинаю читать книжки, потому что у нас в семье все читают книжки. Я исследую мир, трогаю его руками, дотрагиваюсь до стены, до собственного носа, уха, до еды, пытаюсь смешать все со всем, выглянуть в окно, лизнуть горку зимой, схватить за хвост корову, посмотреть на солнце и так далее. Потому что я изучаю и исследую мир в рамках той культуры, которая есть в семье, а культурные коды в каждой семье свои. Пользуясь собственным опытом и опытом близких людей, окружающих меня, я учусь все время. И в этом смысле выделять период с 7 до 17 лет как какой-то особый, очень важный, мне кажется типичной манипуляцией.

– И еще неизвестно, когда он больше всему научился – до школы или в школе?

– Если сравнить по объему, сколько всего человек выучивает в первые 7 лет жизни и в следующие 10, мы ахнем. Потому что до 7 лет он научился практически всему, чем будет заниматься в жизни: одеваться, социально

соответствовать, выглядеть определенным образом, носить одежду, петь, рисовать, наблюдать, слушать... Он уже довольно хорошо понимает, что можно и чего нельзя, знает, с кем, о чем и как разговаривать. Он чаще всего уже умеет читать-считать.

– Да он язык выучил с нуля! А потом 10 лет английский никак не освоит!

– Абсолютно точно. Ребенок выучивает язык автоматическим способом. Более того, если мы его не дергаем, он еще выучивает его красиво. Когда взрослые умильно восторгаются: «Ого, какие выражения он знает!» – это значит только, что он спокойно, в комфортной для себя ситуации воспринимал внешний мир, соединяя его со своим внутренним, понимая, как одно с другим сочетается, как и когда что применять.

Я уже не говорю о простых вещах. Ребенок научился есть ложкой, понимать, что вкусно, а что нет, определять, когда жарко, а когда холодно. Он научился очень важной вещи, которая к 7 годам уже может начать разрушаться, – понимать, что ему интересно. А потом и выбирать. Возможно, при помощи старших любящих людей, которые помогают нащупать, чем он хочет заниматься, какая помощь ему поможет это воплотить.

Словом, к 7 годам мы выучиваем все!

– А предназначение наше уже заложено природой и его важно только найти?

– Не думаю. Скорее наоборот. До определенного момента мы позволяем себе идти во все стороны одновременно. И вот эта гадская взрослая манипуляция про технарей и гуманитариев еще не работает. Когда родители несут чушь, что их ребенок явный гуманитарий или технарь, нужно остановиться и подумать, что они имеют в виду. Математика, которая является областью греческой философии, – это гуманитарная наука или техническая? Литературный анализ, который можно просчитывать геометрически, – это гуманитарная наука или техническая? Мне скажут: «Не придирайся к словам. Там циферки, а тут буковки». Но разве так устроен мир? У человека до определенного момента вообще нет такого разделения, пока ему его не навязали. А расцветает это все буйным цветом, когда ребенок идет в школу. Взрослым становится невогнать

взаимодействовать с ребенком просто как с человеком и идти с ним в разные стороны. Вот тогда они и начинают загонять его в прокрустово ложе разных предметов.

– То есть до 7 лет человек способен освоить, воспринять любую область человеческих знаний? Я очень не люблю фразу «Все дети талантливы».

– В этой фразе есть дискриминация. В этой фразе нужно заменить «дети» на «люди», и тогда все станет на свои места. Да, все люди талантливы.

– И нам все дано природой?

– Мы это доказываем беспрестанно. Только до определенного возраста в силу разных причин, в том числе благодаря тому, что нам еще не навязали ограничения, которые не дают идти вперед, мы их воплощаем постоянно. Удивительным образом, хотя в это довольно трудно поверить (и наши читатели могут сморщить нос, когда мы об этом будем говорить), человек совершенно не собирается прыгать с 9-го этажа, совершенно не собирается обливать себя кипятком. Могу привести пример нашей школы «Апельсин», в которой находятся люди приблизительно с 3 лет. Когда мы начинали, довольно много спорили и думали об этом и приняли непростое решение: в этой школе любой человек может идти туда, куда хочет. И ни одного случая за 8 лет не было, чтобы человек 3–4 лет ушел на другой этаж и там ударился головой или разбил себе что-нибудь. То, как мы о детях говорим и думаем, дискриминационно в своей основе.

Недоеденный суп приводит к неврозам

– То есть инстинкт самосохранения слишком силен – наверняка убережет человека от какой-то авантюры?

– Конечно. Говорят: «У него нет опыта». Но мы все так устроены. Мы, когда видим новый гаджет – а они сейчас появляются чуть ли не каждую неделю, – тоже можем нажать не на ту кнопку. О’кей, наш опыт подскажет, что сначала нужно почитать инструкцию, а когда мне 3 или 4 года, этого опыта мне еще не хватает. Но рядом же есть тот самый любящий и оберегающий человек, у которого можно спросить, который в состоянии помочь, предотвратить. Но все это не означает ограничения свободы взаимодействия с окружающим миром.

Поэтому, если клише «все дети талантливый» немного расширить, мы обнаружим, что способность к обучению в нас заложена изначально. И называется она – любопытство. С этим самым любопытством взаимодействовать очень интересно и не всегда просто. Именно поэтому взрослый мир придумал пословицы вроде «Любопытной Варваре нос оторвали». Вся эта история – начало ограничения того самого обучения. Почему мы учимся? Потому что любопытны. Больше нет причин.

Любопытство – то самое произвольное, то есть сознательное, обучение. Это довольно важная вещь. Если мы учимся переодевать штаны, когда опили их, это ситуация почти инстинктивная, ведь нам некомфортно и неудобно. Любопытство же – это то, что ведет нас за собой, заставляет учиться. Иначе зачем открывать Америку? Только для того, чтобы узнать, что там дальше, за углом.

Почему мы в любом возрасте нажимаем на незнакомые кнопки? Потому что ужасно интересно, что будет. И уже дальше прибавляется: может, про это почитать, может, про это посмотреть, поговорить...

Мы строим пирамидку, ставим один кубик на другой. И в этот момент мы исследуем, как устроено равновесие, как сделать так, чтобы это все стояло. Тот самый длинный нос любопытства ведет нас за собой.

– Получается, любопытство – это инстинкт, заложенный от природы?

– Я боюсь называть его инстинктом. Это больше чем инстинкт – это человечность. Это свойство человеческой природы.

– И его важно сохранить?

– Если серьезно, то мы только и делаем, что его разрушаем. Конечно, в идеальной ситуации его важно сохранить. Но как? Если бы мы начали про это серьезно думать, только и провоцировали бы проявления этого самого любопытства. То есть в тот момент, когда человек протягивает руку к чему-то незнакомому, не кричали бы: «Немедленно убери грязную руку от книжки!», или: «Ты что? Уйди, ты можешь простудиться!», или: «Отойди, здесь неприятный запах», или: «Не беги, ты упадешь!». Или-или-или... Дальше – больше: «У мамы сейчас нет времени, пойдди поговори с папой», или: «Поговорим про это через пару лет», или: «Ты еще маленький», или: «Ты этого не поймешь». И снова или-или-или...

Что делает ребенок в этот момент? Социализируется, мы об этом уже говорили. Если я талантлив, то достаточно быстро восприму эти модели. Сколько раз нужно повторить «Не задавай вопросов», чтобы я научился тому, что их не надо задавать? Три, ну, четыре раза. Я приобретаю определенный опыт так же, как учусь пи?сать в горшок, есть ложкой... Соответственно, ребенок довольно рано попадает в тяжелый клинч...

– ...когда любопытство еще не исчезло, а ограничения уже есть?

– Совершенно верно. И в таком состоянии ребенку нужно, говоря современным языком, разругаться. И тут не так много способов. Первый – самый неприятный для взрослых. Ребенок говорит: «А! Учиться на самом деле не следует, это плохо. Взрослый мир мне говорит: не учись, не задавай вопросы, не вертись». С этим довольно трудно. Так как через определенное время этот же взрослый мир начинает приставать с вопросами: «Почему тебе ничего не интересно?» Это удивительный возврат.

Второй вариант: человеческая природа все же побеждает, и ребенок думает: «Что-то мама с папой врут, этого не может быть». В чем проблема? В том, что для ребенка до 7 лет точно мама с папой – непререкаемый авторитет. И в этот момент ребенок оказывается в точке, которую на околопрофессиональном языке принято называть неврозом.

Можно рассмотреть это на более простой ситуации. Мне 3 года, и я ем суп. Я наелся, хочу отставить тарелку. Мама говорит: «Нужно доесть до конца». Ситуация житейская, но не настолько простая, как кажется на первый взгляд. Почему? Давайте разберемся, в какую ситуацию попал наш субъект. Он точно знает, что сыт, ведь чувство сытости заложено в нас природой. Социальная часть жизни – мама, папа – говорит ему: забей на то, что ты сыт, надо доесть, это социально ожидаемо. А теперь представим, как я начинаю метаться внутри. Я в любом случае что-то предаю, независимо от того, как поступаю. Если я не доедаю, то в свои 3-4 года попадаю в жесточайший конфликт с обществом в лице мамы-папы, бабушки-дедушки. Если я доел, в этот момент я предал себя и запутался окончательно, потому что я учусь (а ведь мы договорились, что я талантлив) тому, что чувства сытости нет. На таком простом примере мы увидели, как быстро человек в 3-4-5-6 лет может оказаться в ловушке.

Есть, конечно, и третий, и четвертый варианты, когда я продолжаю исследовать мир, а мама с папой и все окружающие позволяют себе быть людьми. Что это значит? Идти не за инстинктами, а за собственной человечностью, помня о том, что они, родители, тоже талантливые и любопытные.

Это же удивительная история, когда в семье появляется НОВЫЙ человек! Вдумайтесь: новый, неизвестный мне человек, со своим характером, своими привычками и сразу любимый. Это мужа-жену мы худо-бедно выбираем, а тут я не выбирал. И это одна из самых интересных штук на свете – что с нами, взрослыми, происходит, если мы сводим этот самый интерес и исследование к передаче некоего опыта, который мы часто сами сформулировать не можем. В случае, если мы любопытны и у нас есть те самые длинные носы, мы хотим вместе с ребенком попробовать мир на ощупь, лизнуть горку и так далее. Тогда любопытство и способность к учению сохраняются. К учению, а не к обучению – это важно. Учение как процесс, а не обучение как процесс навязанный.

Модель «разрешать-запрещать» – дорога в ад

– Значит, правы японцы, которые позволяют детям до 5 лет все?

– Снова скажу грустные слова. Сама постановка вопроса дикая – «разрешать, позволять». Любимым людям не разрешают и не позволяют. С любимыми людьми вместе живут. Но мы, ты, я действительно говорим именно так: «Я позволяю тебе...» Что в этом заложено? Расизм, шовинизм, дискриминация жесточайшая. Я, высшее существо, позволяю низшему существу... Структурирую его поведение, делаю его возможности шире или уже. Это вообще устроено не так на самом деле. Потому что, как только я вошел в систему координат «позволять-запрещать», в эту секунду, по большому счету, я уже проложил дорожку в ад.

Совсем не хочу пугать читателей, поэтому нужно это проанализировать. Действуя так, я в определенном смысле лишаю ребенка пусть в маленькой части, но человеческой способности решать самому, что и как делать. Самое страшное, что в такой ситуации представляют себе взрослые, и я слышал сотни раз их возмущенное «Они нам на голову сядут!». Полная, совершенная ерунда и чепуха.

– А для меня, когда рос мой сын, было важно, как он себя ведет в обществе. Может ли, к примеру, ребенок подойти к маме или папе, когда они разговаривают с другими взрослыми, и отвлечь? Я ведь ему нужна в этот момент. Но как тогда быть с принятыми нормами поведения, с тем, что взрослых перебивать нельзя? Мне кажется, тут сложно найти верный ответ.

– Давай разберем эту ситуацию. Как мы поступаем, чтобы, когда мы занимаемся сексом, к нам не врывались дети? Справляемся с этой задачей, правда же? Бывают, конечно, неожиданности. Но либо мы закрываем дверь в спальню, либо убеждаемся, что ребенок спит и шансы, что он проснется, невелики. Либо он уходит гулять... Что мы делаем в этот момент? Говорим: это моя интимная зона, и я ее оберегаю для себя.

Переведем эту ситуацию на пример разговора двух взрослых. Если разговор очень важен, то нужно создать условия, когда ребенок нам не мешает. И для этого есть разные способы: нанять няню, уйти в кафе – в общем, можно придумать много всего.

Мы, взрослые, понимаем, что каждый возраст имеет свои особенности. Это безусловно. Но особенность возраста не означает ограничений. Какова возрастная особенность человека, к примеру, в 5 лет? Очень высокая степень

зависимости от нас. Почему он дергает маму во время ее общения с подругой? Потому что мама для него очень важна. Ребенок нашел жука и в ту же секунду приносит его маме. Это его возрастная особенность. Тут очень важно остановиться на 10 секунд и подумать: это же восхитительно, что мы для кого-то в мире настолько важны!

И тут возникает обычная развилка. Либо мы принимаем ситуацию и говорим: «Это возрастная особенность» (ведь если во время разговора тебя отвлечет не ребенок, а старик в инвалидной коляске, который попросит воды, это же не вызовет раздражения? А это то же самое – всего лишь возрастная особенность), либо скажем: «О'кей, ребенок учится, когда он нашел жука и пришел показать его маме, идет тот самый процесс учения». Поэтому, если нам так важно, чтобы ребенок нас не потревожил, нужно просто придумать, как это сделать. Есть еще один вариант – все же сказать ребенку «нет».

На языке педагогики и психологии это называется взаимодействием с отказом. Это довольно важный опыт для человека. «Дружище, я сейчас не могу, – скажем мы ему. – Это очень здорово и важно, что ты нашел жука, но я готова с тобой об этом поговорить чуть позже». И что? Ребенок поведет себя так же, как любой другой человек в момент отказа, – в соответствии с собственным опытом, темпераментом и так далее. Все просто.

– Точно?

– А чего ты боишься?

– Что в следующий раз он не придет ко мне со своим жуком.

– Нет, ну что ты! Когда ты отвлекаешься от разговора и обсуждаешь жука, ты взаимодействуешь с ребенком. И понятно, что в следующий раз он придет к тебе с еще большим удовольствием. Но и в ситуации, когда ты говоришь, что занята, но при этом тебе любопытно, и через час, когда закончишь, обязательно придешь и поинтересуешься, что там с жуком, у ребенка будет сумасшедший

восторг.

Так же мы поступаем с близкими взрослыми. Мне может позвонить жена во время разговора и услышать, что я сейчас занят. Но, поскольку она мой близкий человек, я перезвоню ей, как только освобожусь. Так устроены взаимоотношения людей. Это человечность.

А вот если он пришел к вам с жуком, услышал, что сейчас не до него, а потом вы вообще забили, тут есть проблемка. Потому что в этот момент он начинает учиться тому, что его жизнь – это его личная история, что он никому не важен, не интересен и так далее.

Но я, взрослый, понимаю, что рядом со мной человек, который познает и исследует мир, равно как исследую его и я. Он пользуется своим опытом, я – своим. Мы обмениваемся опытом. А еще я быстро понимаю, что могу создавать ему тупики в раннем возрасте. На самом деле, только тогда, когда мы позволяем себе жить, а не метаться в этой ловушке «можно-нельзя», и начинается жизнь вместо подготовки к жизни. Если мы по серьезному зададим себе вопрос: «Что такое можно и что такое нельзя?», довольно быстро придем к абсурдности самого вопроса. Мы поймем, что можно все.

И есть довольно много примеров. Ноги можно промочить? Конечно, можно, если умеешь переодевать носки, сушить их... Можно не доедать еду до конца? Конечно. А доедать? Да! Это вопрос широты рамки.

«Можно ли кидаться едой?» – спросит меня испуганная мама. Едой кидаться не принято, и сообщить эту новость человеку, пользуясь своим опытом, мне кажется, довольно важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zicer_dima/ne-zachem-idti-v-shkolu-deti-roditeli-uchitelya-i-nereshennye-shkol-nye-voprosy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)